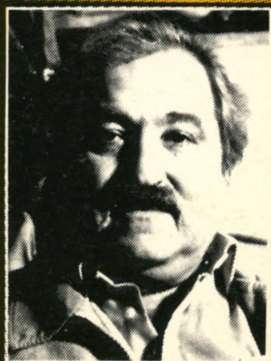
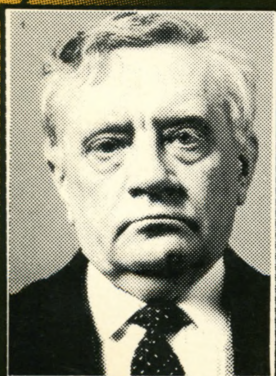
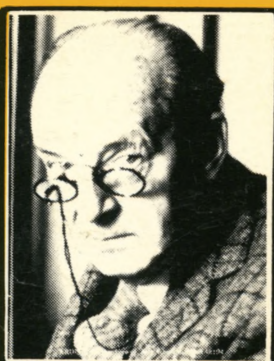
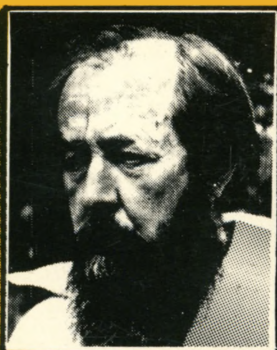

№1(61)

1989 г.

СТРЕЛЫ

АЛЬМАНАХ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Дора ШТУРМАН

НЕСКОЛЬКО СЛОВ К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СОЛЖЕНИЦЫНА

Многоуважаемые коллеги!

В нашем катастрофическом веке великое счастье уже одно то, что мы празднуем семидесятилетие Солженицына при его жизни. И даже — что мы вообще его празднуем. Как сам он сказал в своей Нобелевской речи и — не раз — в «Архипелаге», он мог погибнуть, не состоявшись ни для кого на Земле, кроме (да и то — вряд ли) братьев по камере, по лагерю, по безымянной могиле. Так погибли другие, неведомые миру, мыслители и художники, растоптанные нашим концлагерным веком прежде, чем прозвучали. Всем своим творчеством их чудом выстоявший брат по Архипелагу многократно и скорбно отдает им должное. Так пусть же Солженицын живет и работает еще долгие годы, пусть принесет ему радость, а не новое горе то, чему предстоит развернуться на его родине, пусть будут благополучны все, кто ему дороги.

Думаю, что со мной согласятся многие из внимательных читателей Солженицына: на фоне происходящего сегодня в СССР и в мире, работая вовсе не над творчеством Солженицына, размышляя над самыми злободневными или, напротив, казалось бы, академическими проблемами, вдруг обнаружи-

ваешь, что Солженицын уже сказал о них главное. Он или выделил в них самое сложное и менее всего поддающееся решению; или поставил основной вопрос, в который упираемся рано или поздно мы все; или предсказал нынешний ход событий во всей его угрожающей неопределенности.

Содержание всего им сказанного как свидетельства миропонимания и деяний современного человечества колоссально. И те, кто склонны усматривать в его творчестве явление по смыслу и значению своему локально русское, заблуждаются. Так же, впрочем, как те, кто, при стольких страстных, страдальческих и гневных его страницах, побуждающих Запад защитить свои высшие ценности и свою свободу, видят в Солженицыне человека, ненавидящего западный мир.

Огорчителен еще один предрассудок — склонность видеть в Солженицыне не знающего сомнений ментора и прорицателя. Это не так. В полном объеме всего им сказанного писатель предстает перед нами как мыслитель и художник, все полнее и все трагичнее осознающий великие загадки и антиномии Бытия. Даже в таком, казалось бы, исторически конкретном и важном для него вопросе, как общественное и государственное устройство посткоммунистической России, Солженицын (вопреки не терпящим серьезной критики обвинениям в склонности к теократии, империалистическому мессианизму или, напротив, изоляционизму и другим мономаниям) ни разу не высказал категорического предписывающего суждения. Так, при одной из множества тщетных своих попыток добиться от современников правильного понимания «Письма вождям» (1974 г., полемика с А. Д. Сахаровым), Солженицын писал о возражениях Сахарова: «Как и во многих местах, мне фальшиво приписано вместо сомнений о внезапном введении демократии в сегодняшнем СССР — полное отвращение к демократии вообще».

Сомнение свое (подчеркиваю: с о м н е н и е, а не категорическое суждение) он аргументировал тем, что боится (цитирую) «величайшей опасности м е ж н а ц и о н а л ь н ы х в о й н (эти два слова Солженицын выделяет курсивом), «которые затопят кровью рождение у нас демократии, если оно произойдет в отсутствие сильной власти». (Конец цитаты). Сегодня мы видим, насколько прав Солженицын в этих своих опасениях. Добавим, что он говорит в этой связи не просто о «сильной власти», но о власти преобразующей. В той же статье сказано:

«...со скалы ледящего тоталитаризма я мог предложить только медленный плавный спуск через авторитарную систему (неподготовленному народу с той скалы сразу прыгнуть в демократию — значит расшлепаться насмерть

в анархическое пятно).

...Как временную меру по выходу из нашей тюрьмы — я думаю, никто не может предложить ничего более быстрого и спасительного.

Что же касается принципиального выбора или отвержения для России авторитарности в будущем, — я не высказывался по этому поводу, я не имею конечного мнения».

Этому «Я не имею конечного мнения» Солженицын нигде не изменит (во всяком случае, до наших дней).

Тем не менее, везде, где писатель говорит о желательной картине России будущего, о ее конкретных чертах, он говорит о свободном обществе, построенном на основах классического либерализма, политических и экономических».

Солженицын, впервые выступивший с поднятым забралом против режима в годы, предшествующие его изгнанию, больше был уверен, что знает, как следует спастись от коммунистического тоталитаризма, чем Солженицын более близкого к нам периода. Было время, когда полный и всеобщий отказ ото лжи казался ему необходимым и достаточным условием нравственной революции и падения деспотизма.

«Все-таки вспомнить пора, что первое, кому мы принадлежим, — это человечество. А человечество отделилось от животного мира — мыслью и речью. И они естественно должны быть свободными. А если их сковать — мы возвращаемся в животных».

Гласность, честная и полная гласность — вот первое условие здоровья всякого общества, и нашего тоже. И кто не хочет стране гласности — тот равнодушен к отечеству, тот думает лишь о своей корысти. Кто не хочет отечеству гласности — тот не хочет очистить его от болезней, а загнать их внутрь, чтоб они гнили там». (1969 г.).

В коротко, виртуозно отточенном обращении «На случай моего ареста» (август 1973 г.) Солженицын категорически отрицает право правительства определять судьбы литературы:

«Я заранее объявляю неправомочным любой уголовный суд над русской литературой, над единой книгой ее, над любым русским автором».

И уж никогда не объявлял себя Солженицын единственным носителем истины и поэтому единственно имеющим право на абсолютную свободу слова, а ведь даже этот абсурд ухитряются ему приписывать. Но шли годы, и все яснее становилось ему, что самая полная и честная свобода слова (замечу, что легальной ее в СССР — ноябрь 1988 г. — еще нет) для обретения его родиной устойчивого существования — условие необходимое, но не достаточное. В 1973 году он писал:

«Кажется, мучителен переход от свободной речи к вынужденному молчанию. Какая мука живому, привыкшему думать обществу с какого-то декретного дня утратить право выражать себя печатно и публично, а год от году замкнуть уста и в дружеском разговоре и даже под семейной кровлей.

...За десятилетия, что мы молчали, разбрелись наши мысли на семьдесят семь сторон, никогда не перекликнувшись, не опознавшись, не поправив друг друга. А штампы принудительного мышления, да не мышления, а диктованного рассуждения, ежедневно втолакиваемые через магнитные глотки радио, размноженные в тысячах газет-близнецов, еженедельно конспектируемые для кружков политучебы, — изуродовали всех нас, почти не оставили непогрешенных умов.

И теперь, когда умы даже сильные и смелые пытаются распрямиться, выбиться из кучи дряхлого хлама, они несут на себе все эти злые тавровые выжжины, кособокость колодок, в которые были загнаны незрелыми, — а по нашей умственной разьединенности ни на ком не могут себя проверить».

А далее шло пророчество:

«Но и обратный переход, ожидающий скоро нашу страну, — возврат дыхания и сознания, переход от молчания к свободной речи, тоже окажется и труден и долг, и снова мучителен — тем крайним, пропастным непониманием, которое вдруг зинет между соотечественниками, даже ровесниками, даже земляками, даже членами одного тесного круга».

И все более заботит его с каждым днем именно п е р е х о д от рабства к удовлетворительному уровню свободы и права, от чреватой вырождением нищеты — к здоровому достатку, от устойчивости деспотизма — к устойчивости нормального человеческого существования. В Кавендише, в 1979 году, Солженицын говорил И.И. Сапиэту, и нтервьюеру от Би-Би-Си: «...спасение — не терпит отложения. Каждый лишний год их господства приносит непоправимый урон» (конец цитаты). Но все неотступней его заботит вопрос: как избежать при попытках спасения кровопролитной катастрофы, чреватой омоложенным гнетом?

В 1983 году Солженицын предпринял развернутую попытку ответить своим оппонентам определенного толка, которых он обозначил сугубо ироническим групповым именем «плюралисты».

«Свою просьбу к ним — конкретизировать их представления о будущей российской демократии — он завершает (напомню) вопросом вопросов:

«А — переходный период? Любую из западных систем — как именно перенять? через какую процедуру? — так, чтобы страна не перевернулась, не утонула? А если начнутся (как с марта 1917, а теперь-то еще скорей начнутся) разбой и убийства — то надо ли будет разбойников останавливать? или — оберегать права бандитов? может, они невменяемы? и — кто это будет делать? с чьей санкции? и какими силами? А шире того — будут вспыхивать стихийные волнения, массовые столкновения? как и кто успокоит их и спасет людей от резни?»

Излишне напоминать, что ни у кого и сегодня нет уверенного и конструктивного ответа на этот вопрос, а встает он перед нами куда острее и непосредственнее, чем в 1983 году.

Еще в 1973 году Солженицын отчетливо сформулировал экономические идеи — новые, впрочем, только для выходящего из социалистических колодок сознания, а в мире — древние:

«Исходные понятия — частной собственности, частной экономической инициативы — природны человеку, и нужны для личной свободы его и нормального самочувствия, и благодетельны были бы для общества, если бы только... если бы только носители их на первом же пороге развития самоограничились, а не доводили бы размеров и напора своей собственности и корысти до социального зла, вызвавшего столько справедливого гнева, не

пытались бы покупать власть, подчинять прессу. Именно в ответ на бесстыдство неограниченной наживы развился и весь социализм».

Даже в кратчайшем разговоре о Солженицыне нельзя не коснуться национальной проблематики его творчества. Она едва ли не самым парадоксальным образом преломляется в сознании многих его читателей — как оппонентов, так и апологетов. Может быть, одна из причин этого искажающего преломления — болезненность, запутанность, антиномичность данной проблематики. Ее эмоциональный напор толкает иногда (замечу, что редко) и Солженицына-публициста к суждениям спорным или противоречивым, а полифония «Красного колеса» приводит поверхностного читателя к отождествлению взглядов писателя со взглядами его персонажей, весьма и весьма различными (и произвольно этим читателем отобранными по законам отталкивания или сродства). Сам же Солженицын, крайне остро всю напряженность национальной проблематики осознавая, требует от себя сложнейшего:

«О, как по этому ломкому хребту пройти, и в обиду по напраслине своих не давши, и порока своего горше чужого не спуская?...» (1974 г.)

Какие бы ни возникали у Солженицына по национальным поводам всплески чувств, он ни разу не изменил следующим своим словам:

«Я желаю добра всем народам, и чем ближе к нам живут, чем в большей зависимости от нас — тем более горячо».

И это отнюдь не значит, что он сторонник и предуготовитель будущей — доброй ко всем своим народам — империи или что он усматривает подобную доброту в имперском прошлом России. Он много и горько говорит о русских винах по отношению к другим народам, не обходя при этом и вин взаимных, и вин обратных. Но к раскаянию и самоограничению зовет он прежде всего свой народ. Одни — ища в этом для себя опору, другие — с гневом и осуждением обнаруживают в Солженицыне русского империалиста. Между тем, сторонник скорее федерализма, чем разрыва, по крайней мере, русских, украинцев и белоруссов, Солженицын отнюдь не поклонник имперских принципов.

«Вся мировая история, — говорит он, — показывает, что народы, создавшие империи, всегда несли духовный ущерб. Цели великой империи и нравственное здоровье народа несовместимы». (1973 г.)

Солженицын (не раз) так четко и однозначно заявил о своем признании полного права наций на самоопределение и независимость, на культурно-религиозную автономию и равноправие (по их выбору), что вполне понятно его горестное недоуме-

ние в ответе на критику Сахаровым «Письма вождям». Цитирую:

«Меня, когда я предлагаю никого не угнетать, всех освободить, сосредоточиться на внутреннем лечении народных ран, — назвать националистом? Какое ж слово тогда для завоевателя? Можно было искать разгадку во всеобщей путанице терминов: империализм, нетерпимый шовинизм, надменный национализм и скромный патриотизм (любовь-служение своей нации и стране с откровенным раскаянием в ее грехах, под это определение подходит и сам Сахаров). Но кто хорошо знает нынешнюю обстановку в советской общественной среде, тот согласится, что дело — не в путанице терминов, а в исключительной накаленности чувств». (Конец цитаты.)

Чувства эти накалены и в эмиграции. В СССР же народы уже перешли в межнациональной сфере от чувств к делу. И, к несчастью, вполне в ключе предвидений Солженицына, но не в духе его советов, призывов и настояний.

Он и о внешней политике СССР сказал самое главное, по сей день Кремлем не услышанное:

«Наша внешняя политика... представляется как бы нарочито составленной вопреки истинным потребностям своего народа. За судьбы Восточной Европы мы взяли на себя ответственность, не сравнимую с нашим сегодняшним духовным уровнем и нашей способностью понимать европейские нужды и пути. Эту ответственность мы самоуверенно готовы распространить и на любую страну, как бы далеко она ни лежала, хотя б на обратной стороне земного шара, лишь бы она проявляла намерение национализировать средства производства и централизовать власть (эти признаки по марксистской теории — ведущие, все остальные — национальные, бытовые, тысячелетних культур — второстепенны)».

Те, кто знают марксизм-ленинизм хорошо, не сомневаются, что и здесь, определяя основы реального (без всяких кавычек) социализма, Солженицын прав.

Вопрос о том, как возникают противоречивые или ложные стереотипы учений, течений, событий, характеров, выдающихся личностей и т.п., должен стать предметом собой науки. Приведу два примера (из великого множества), относящихся к Солженицыну.

Осенью 1988 года в советском журнале «Книжное обозрение» появилась благожелательная статья о Солженицыне, а после нее — подборка читательских писем, в большинстве своем — одобрительных. В одном из пятнадцати отрицательных откликов содержалась цитата из «Архипелага», в которой Солженицын относит к русскому народу, в числе других горьких определений, эпитет «самый презренный». Цитата была почерпнута из гнусной книги Н. Яковлева, который, разумеется, не приводит любовно-трагического контекста всей фразы, определяющей отношение к русским не Солженицына, а других народов. Простодушный автор письма, не читавший «Архипелага» и верящий Н. Яковлеву, делает вывод, что Солже-

ницын ненавидит русский народ. В том же «Архипелаге» есть истории и фотографии (из советской прессы тех лет) нескольких евреев-организаторов и ведущих деятелей ГУЛага, приведено несколько фамилий омерзительных «придурков» и садистических начальников лагерей или следователей-евреев. Антисемиты пьянеют от восхищения; часть евреев и антишовинистов полны обиды и гнева, хотя отрицать факты не могут. И только вдумчиво прочитав великую книгу, видишь прекрасные, трогательные образы еврейских страдальцев, русских страдальцев и мучеников любых подсоветских, а многих и нессоветских национальностей, а рядом — русских и всеплеменных попустителей, слепцов и злодеев. Недостаток времени не позволяет мне вдаваться в эту проблему и касаться еще и, к примеру, «Красного колеса».

Можно много говорить о том, в чем Солженицыну видятся надежда, просвет и выход. Но, пожалуй, наиболее обобщенно это выражено в заключении столь по-разному понятой и столь противоречиво оцененной современниками Гарвардской речи (1978 г.):

«Если не к гибели, то мир подошел сейчас к повороту истории, по значению равному повороту от Средних Веков к Возрождению, — и потребует от нас духовной вспышки, подъема на новую высоту обзора, на новый уровень жизни, где не будет, как в Средние Века, предана проклятью наша физическая природа, но и тем более не будет, как в Новейшее время, растоптана наша духовная. (Апл.)

Этот подъем подобен восхождению на следующую антропологическую ступень. И ни у кого на Земле не осталось другого выхода, как — вверх».

Пожелаем Солженицыну и всем людям Земли, чтобы этот выход был обретен.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	
<i>Юрий Кублановский</i>	
С доверием к географии. Стихи	4
<i>Юрий Мамлеев</i>	
Отражение. Здравствуй, друзья! Рассказы	8
<i>Генрих Сапгир</i>	
Этюды в манере Огарева и Случевского. Стихи	17
<i>Владимир Максимов</i>	
И аз воздам. Отрывок из романа	20
<i>Дмитрий Бобышев</i>	
Из книги: Звери Св. Антония. Бестиарий. Стихи	27
<i>Аркадий Бартов</i>	
Кое-что о Мухине. Повесть	37
<i>Татьяна Щербина</i>	
Из книги «Ноль-Ноль». Стихи	62
<i>Сергей Юрьенен</i>	
Медовый месяц. Отрывок из романа «Желание быть испанцем»	69
<i>Анри Волохонский</i>	
Песнь о Хасаре	86
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
<i>Юрий Кублановский</i>	
Мастерство. О прозе Татьяны Толстой	90
<i>Наталья Иванова</i>	
Шоковая терапия	93
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ	
<i>Владимир Набоков</i>	
Знаки и символы. Рассказ	121
<i>Георгий Иванов</i>	
Эллис. Рассказ человека из богемы	128
<i>Юрий Анненков</i>	
Ночное путешествие. Рассказ	137
ЭССЕ	
<i>Василий Аксенов</i>	
Чувство России	148
<i>Борис Тираспольский</i>	
По гамбургскому счету	154
НАШЕ ИНТЕРВЬЮ	
Беседа с Татьяной Толстой. «Идеи гласности и перестройки интеллигенция поддерживает...»	161
Параджанов покоряет Париж (перевод беседы корреспондента газеты «Либерасьон» с Сергеем Параджановым)	174

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Натан Эйдельман

Проблемы и задачи политической истории
России XVII-XIX веков или рассказ о перестройках
с хорошим концом и перестройках с плохим
концом. Выступление в Париже, в Сорбонне,
в июне 1988 года 179

Дора Штурман

Размышления на крутом склоне 189

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Александр Глезер

Живопись на страницах «Огонька» 213

РАЗГОВОР О ЖУРНАЛЕ

Прощаясь с ежемесячником «Стрелец». Беседа
Александра Глезера и Сергея Юрьенена 218

Вадим Крейд

Приветственное слово «Стрельцу» 233

НАША КОНФЕРЕНЦИЯ

Международная конференция,
посвященная А.И.Солженицыну 236

Письмо А.И.Солженицыну
от участников конференции 237

Юрий Кублановский

Приветствие солженицынской конференции 238

Выступление Василия Аксенова 239

Выступление проф. Валерия Сойфера 245

Александр Глезер

Солженицын и эмиграция 249

Дмитрий Бобышев

Два лауреата 254

Галина Бови-Кизилова

Солженицын и Россия — неразделимы 261

Борис Тираспольский

Исполнение миссии 264

Проф. Джон Б. Данлоп

Как Александр Солженицын был почти
реабилитирован и снова предан анафеме 269

Юрий Кублановский

Стиль и историософия «Красного колеса»
А.И.Солженицына 283

Лев Посев

Солженицынские евреи 294

Дора Штурман

Несколько слов к семидесятилетию Солженицына 312

СОЛЖЕНИЦИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА В МОСКВЕ

По сообщению газеты «Нью-Йорк таймс» от 13 декабря 1988 года, в Москве 11 декабря состоялись торжественные собрания, посвященные семидесятилетию А. И. Солженицына. Эти собрания прошли в Доме кинематографистов, Доме Архитекторов и в Доме медицинских работников.

В Доме кино выступили с речами председатель Союза кинематографистов Андрей Смирнов, литературные критики Игорь Виноградов, Владимир Лапшин, Юрий Корякин и главный редактор газеты «Московские новости» Егор Яковлев. Последний сказал: «Мы должны принять его таким, каков он есть» (обр. перевод с англ.). И. Виноградов в своем выступлении, под аплодисменты присутствующих, упомянул «Архипелаг ГУЛАГ». А Ю. Корякин заявил: «Дайте Солженицыну быть антикоммунистом. Достоевский был антикоммунистом, но можем ли мы называть его нашим врагом?» (обр. перевод с англ.).

Отдавая дань мужеству выступавших (напомним, что незадолго до солженицинских торжеств в Москве новый идеолог партии Вадим Медведев объявил на встрече с редакторами газет и журналов, что произведения и само имя писателя не должны больше упоминаться в печати), «Нью-Йорк таймс» замечает, и редакция «Стрельца» к этому замечанию присоединяется, что московские торжества, посвященные А. И. Солженицыну, не могли состояться без разрешения свыше.